

РЕЦЕНЗИИ

Volker Rittberger (ed.), *German foreign policy since unification. Theories and case studies*, Manchester University Press, Manchester and New York 2001, p. 385.

В книге под редакцией Фолькера Риттбергера *German foreign policy since unification. Theories and case studies* [Внешняя политика Германии после объединения. Теории и анализ примеров] содержатся результаты интересного исследовательского проекта, предметом которого стала внешняя политика ФРГ после объединения Германии; исследование проводилось политологами Центра международных отношений в Университете Тюбингена. Основной целью проекта под руководством профессора Ф. Риттбергера, директора этого исследовательского центра, специализирующегося на теоретических и институциональных аспектах международных отношений (*international regimes*), был поиск ответа на вопрос, сохранится ли после объединения Германии во внешней политике этого государства прежняя линия или возобладает тенденция к ее трансформации. В названной работе собраны и представлены результаты этих исследований, делаются также попытки определить направление эволюции внешней политики ФРГ с начала 1990-х гг. Принявшие в этом исследовательском проекте участие Райнер Бауманн, Хеннинг Бёкле, Коринна Фройнд, Дирк Петерс и Вольфганг Вагнер, политологи, связанные с Университетом Тюбингена, отдают себе отчет в том, что в последнее время появилось множество работ, посвященных поднимаемой ими, столь важной для Германии и других европейских государств, тематике. Их работа выделяется на фоне других оригинальным подходом к анализу внешней политики — в рассматриваемой работе теоретические положения дополняются

«эмпирическими» тестами. Результаты этих исследований позволяют оценить, насколько верными оказываются прогнозы, формулируемые с опорой на три важнейшие теории международных отношений.

Примененная исследовательская методика предусматривала анализ прогнозов, касающихся эволюции внешней политики ФРГ после 1990 г., сформулированных примерно десятилетие назад в соответствии с тремя теориями международных отношений: неореализмом, утилитаристским либерализмом и конструктивизмом. В качестве независимых переменных, оказывающих влияние на внешнеполитическую стратегию ФРГ, были приняты – в соответствии с упомянутыми теориями – такие факторы: место ФРГ в международной системе (*power position in the international system*), внутренние интересы (*domestic interests*), а также международные и общественные нормы (*international and societal norms*). На основе применения названных теоретических подходов был проанализирован процесс изменений позиции ФРГ в четырех конкретных сферах внешней политики: политики в области безопасности в НАТО, конституционной политики в ЕС, торговой политики в ЕС, а также политики на заседаниях ООН по проблеме прав человека.

Первая часть исследования, написанная Д. Петерсом, знакомит читателя с внутригерманской полемикой по проблеме внешней политики ФРГ, которая развернулась в начале 1990-х гг. Наиболее ожесточенные споры вызывал в то время вопрос: каким образом рост потенциала Германии после объединения может повлиять на ее внешнюю политику? Подавляющее большинство экспертов сходились во мнении, что объединение открывает перед Германией новые возможности в этой сфере, что связывалось с разрывом с традицией самоограничения в «старой» ФРГ, а также с первыми попытками выработки более независимого курса. Дискуссия развернулась по поводу того, будет ли такое решение разумным и пойдет ли эволюция в таком направлении на пользу немецким интересам.

Автор приводит многочисленные аргументы двух противостоящих друг другу по данному вопросу групп экспертов. Сторонники изменения внешней политики в направлении большей независимости (среди них такие авторы, как М. Гросхайм, Г. Шелльген, Х.-П. Шварц, Р. Цительманн) утверждали, что благодаря изменению в раскладе сил и исчезно-

вению двуполярной системы позиции Германии существенно усилились. Именно поэтому ее внешняя политика должна быть изменена в соответствии с новыми условиями. Отныне она должна проводиться более решительно и с осознанием возросшего потенциала ФРГ. С другой стороны, большинство участников дискуссии (в частности, Х. Хафтендорн, К. Кайзер, Х. Маулль, Д. Зенгхаас) критически отнеслись к подобной аргументации и высказались в пользу сохранения прежнего политического курса или минимальных его модификаций. Основным доводом в пользу дальнейшего проведения политики мультилатерализма является взаимозависимость, то есть существование устойчивых политических связей, а также экономической зависимости, которые связывают Германию с другими странами. Действие этих факторов означает, что ФРГ может достичь целей своей внешней политики только на основе сотрудничества с другими государствами и международными организациями.

Во второй части представлены перечисленные во вступлении теории международных отношений, на основании которых осуществлялся анализ немецкой внешней политики. В каждом из разделов содержится также разбор новых моментов в положении ФРГ после 1990 г. с точки зрения рассматриваемой теории, а также мини-прогноз дальнейшего развития внешней политики, какого следовало бы ожидать в соответствии с данной теорией.

В качестве первой теории Р. Бауманн, Ф. Риттбергер и В. Вагнер представили неореализм, рассматривающий внешнюю политику государства (зависимая переменная в каждой из трех теорий) в тесной связи с его местом в системе международных отношений (независимая переменная), которое является производным от количества полюсов в системе, а также доли государства в глобальной системе распределения ресурсов. Из перспективы неореализма авторами были выделены две возможные цели внешней политики государства: стремление к сохранению и расширению независимости (*autonomy-seeking*) и желание оказывать влияние (*influence-seeking*). Обе задачи, как правило, реализуются одновременно, впрочем, с разной степенью интенсивности, в зависимости от ситуации и интересов конкретного государства. Основываясь на теории неореализма, авторы пытаются оценить, как изменилось положение ФРГ после объединения: принимая во внимание экономические показатели (доля валового продукта

страны нетто и брутто в мировом производстве), военный потенциал (расходы на оборону и численность вооруженных сил), а также численность населения и площадь страны, они констатируют, что позиции Германии на международной арене после объединения несколько упрочились. Кроме того, после того, как прекратил свое существование двуполярный миропорядок эпохи холодной войны, уменьшилась зависимость ФРГ от гарантий безопасности со стороны США. Опираясь на теорию неореализма, авторы рисуют возможный сценарий развития внешней политики ФРГ, представляющий как постепенное усиление независимости при одновременном росте масштаба влияния.

Следующей теорией, примененной в ходе анализа, стала либерально-утилитаристская концепция международных отношений, согласно которой внутренние интересы представителей политической и экономической элиты той или иной страны (независимая переменная) оказывают серьезное влияние на ее внешнеполитический курс. Эти институты стремятся к достижению максимальной выгоды, что может выражаться как в материальной форме, в виде увеличения ресурсов, имеющихся в их распоряжении, так и в нематериальной форме, например, в виде усиления политического или экономического влияния. Чтобы начертить возможный сценарий дальнейшего развития внешней политики ФРГ после 1990 г., понадобилось определить, как эволюционировали внутренние интересы немецких учреждений и организаций. Авторы отмечают, что они не претерпели существенных изменений: углубление разрыва в уровне экономического развития разных частей объединенной Германии не помешало перенести в восточные федеральные земли институциональные связи, созданные до 1990 г. в ФРГ. В итоге, как констатируют К. Фройнд и Ф. Риттбергер, это вряд ли окажет существенное влияние на способ и цели проведения внешней политики в объединенной Германии.

Конструктивизм — последняя теория, примененная авторами в ходе исследования. Она исходит из того, что внешняя политика любого государства строится с учетом определенных международных и социальных норм (независимая переменная). Те же, в свою очередь, определяются как прогнозируемое, базирующееся на общепринятых ценностях поведение актеров на внешнеполитической сцене. Авторы этой главы: Х. Бёкле, Ф. Риттбергер и В. Вагнер — отмечают, отталкиваясь

от теории конструктивизма, что ФРГ последовательно и активно проводит внешнюю политику в соответствии с принципом мультилатерализма в системе международных институтов. В силу этого прогнозы относительно будущего внешней политики ФРГ после 1990 г. могут базироваться только на детальном анализе эволюции международной системы институтов и норм. В этой связи можно ожидать определенных изменений, связанных с последствиями завершения эпохи холодной войны. Как отмечают авторы, в дальнейшем внешнеполитические шаги ФРГ будут осуществляться по-разному в различных сферах внешней политики. Это означает появление определенных ограничений при составлении глобального прогноза развития немецкой внешней политики: она будет изменяться только в тех областях, где происходит эволюция в системе норм и институтов. Таким образом, каждая из этих сфер должна стать предметом отдельного анализа.

Проводя в третьей части сопоставительный анализ политики ФРГ в отдельных сферах до и после объединения, авторы опираются в каждом случае на восемь конкретных примеров. Политика в области безопасности НАТО исследуется на примере проблемы интеграции вооруженных сил Германии в военные структуры Альянса, а также участия ФРГ в операциях за рубежами ЕС (типа *out-of-area*). Эволюция политики по вопросу конституции ЕС рассматривается сквозь призму позиции ФРГ по поводу более широкого применения способа принятия решений большинством голосов в Совете ЕС, расширения полномочий Европарламента, а также по поводу размера отчислений в бюджет ЕС. Анализ политики Германии в сфере торговли производится на основе сопоставления позиций ФРГ по проблеме либерализации торговли сельхозтоварами во время Уругвайского раунда и по вопросу либерализации общественного заказа в телекоммуникационной отрасли ЕС. Политика в сфере защиты прав человека анализируется на примере позиции ФРГ по поводу усиления существующих и создания новых институтов, ответственных за данную сферу деятельности в ООН.

Авторы осознают наличие определенной произвольности в выборе анализируемых примеров, оправдывая это тем, что те должны были соответствовать критерию сопоставимости позиции властей ФРГ до и после объединения. Этому критерию не соответствует, например, проблема расширения ЕС за счет стран Центральной и Восточной Европы, поскольку до 1990 г.

подобные концепции относились скорее к сфере научной фантастики. Каждый из примеров подробно разбирается авторами с точки зрения всех трех теорий внешней политики. Прогнозы относительно дальнейшей эволюции позиции ФРГ в конкретной сфере после 1990 г. составляются с опорой на каждую из теорий, а затем подвергаются эмпирическому тесту для проверки степени верности, при этом учитываются реальные формы реализации внешней политики в рассматриваемых сферах во второй половине 1990-х гг.

В заключение анализа, в четвертой части работы авторы представляют результаты проведенных исследований. Прежде всего отмечается, что позиция ФРГ по большинству из представленных восьми проблем-примеров после объединения Германии не изменилась. Определенная эволюция подходов наблюдается только по следующим вопросам: участие вооруженных сил ФРГ в операциях вне территории ЕС, стремление к уменьшению размера отчислений в общий бюджет ЕС, а также поддержка либерализации торговли продуктами сельского хозяйства. Вопреки опасениям многих европейских государств, что Германия после своего объединения начнет проводить имперскую политику (*power politics*), во внешней политике этого государства преобладает тенденция преемственности. В силу этого, неореализм продемонстрировал в ходе исследований самый слабый прогностический потенциал. Внешняя политика ФРГ после 1990 г. проводилась с опорой, как и прежде, на международные нормы и принцип мультилатерализма, то есть в соответствии с теорией конструктивизма. В то же время, авторы работы отмечают, что акцент в действиях властей ФРГ в сфере внешней политики был перенесен с цели сохранения независимости на задачу усиления влияния Германии в международных организациях и в процессе принятия решений. На вопрос, открывает ли это путь для дальнейшей эволюции внешней политики ФРГ в направлении унилатерализма, авторы не дают однозначного ответа. В то же время следует признать, что его и не могло быть, поскольку целью работы было не составление прогноза на будущее, а анализ произошедших изменений в немецкой внешней политике.

German foreign policy since unification. Theories and case studies заслуживает внимания как минимум по двум причинам. Во-первых, данная книга дает базирующийся на детальном и объективном анализе конкретных действий властей ФРГ ответ

на вопрос о масштабе изменений во внешней политике Германии после 1990 г. Оценка, содержащаяся в данном исследовании, представляет оригинальную позицию в дискуссии по этому вопросу. Несмотря на многократно звучавшие в Европе опасения по поводу возможного отхода от прежней немецкой политики мультилатерализма, эмпирические тесты политологов из Тюбингена показывают, что изменения затронули лишь отдельные сферы. Принимая во внимание разнородность и большое количество проанализированных примеров, можно констатировать, что результаты проведенных исследований адекватно отражают эволюцию внешней политики Германии в целом и дают объективные результаты. Во-вторых, описанные исследования создают базу для оценки трех важнейших теорий международных отношений, а точнее, адекватности их прогнозов в контексте внешней политики ФРГ.

Марцин Воронович

Вагиф Гусейнов. *Каспийская нефть. Экономика и геополитика*. Москва: Олма-Пресс, 2002. — 380 с.

В девяностые годы XX века, после распада СССР и возникновения суверенных государств Закавказья и Средней Азии, вновь возродилось соперничество за влияние в этом регионе. Начались попытки «заполнить стратегический вакуум» или, по определению Збигнева Бжезинского, сохранить «геополитический плюрализм» в Евразии. Наступил ренессанс понятия «большой игры», введенного Редьярдом Киплингом в язык политики XIX в. для описания британско-российской борьбы за гегемонию в Центральной Азии. На этот раз в ней приняли участие не только государства (США, Россия, Иран, Турция, Китай, а также, в меньшей степени, Франция и Великобритания), но и другие субъекты, главным образом транснациональные корпорации.

Одним из ключевых элементов соперничества стало обретение контроля над добычей и транспортом нефти и природного газа из месторождений, находящихся в странах бассейна Каспийского моря. Эту проблему в книге «Каспийская нефть. Экономика и геополитика» исследует Вагиф Гусейнов. Гусейнов — последний председатель КГБ Азербайджанской

СССР, ныне директор Института стратегических оценок и анализа, член российского Совета по внешней и оборонной политике, а также главный редактор журнала «Вестник аналитики».

Автор начинает свои рассуждения с характеристики роли, которую борьба за господство над залежами нефти играла во время холодной войны. Тогда Ближний Восток и природные богатства Персидского залива стояли в центре интересов США и СССР, проблема же Каспийского моря, по очевидным соображениям, не была объектом спора. Перемены в международных отношениях после распада СССР привели к инструментальной трактовке заинтересованными субъектами проблемы добычи и транспортировки ресурсов Каспийского моря. Для трех государств региона — Азербайджана, Казахстана и **Туркмении** — умелое использование месторождений нефти и газа в качестве инструмента внешней политики приобрело огромное значение в деле укрепления суверенности и безопасности. Для западноевропейских государств каспийские ресурсы были связаны с необходимостью сохранения энергетической безопасности (одного из условий дальнейшего промышленного прогресса) и независимой позиции в отношении нестабильного Ближнего Востока, а также решений ОПЕК. Кроме того, в случае Соединенных Штатов, нельзя было допустить гегемонию других государств в данном регионе, прежде всего России и Китая. Российская Федерация, в свою очередь, стремилась к воссозданию разорванных и сохранению существующих политических и экономических связей с бывшими республиками СССР.

Автор книги исходит из предпосылки, что самым главным государством в контексте борьбы за природные ресурсы является, благодаря своему географическому положению, Азербайджан. Тем самым он соглашается со Збигневом Бжезинским, который в «Большой шахматной доске» метафорически назвал Азербайджан пробкой от бутылки с каспийским сырьем. В части, озаглавленной «Вокруг азербайджанской нефти», Гусейнов подробно анализирует вопросы, связанные с использованием нефтеносных залежей. Автор останавливается на т. н. «контракте века» 1994 г., заключенном между азербайджанским государственным и несколькими западными концернами по эксплуатации сроком на 30 лет трех богатых месторождений нефти, находящихся на каспийском шельфе. Тогда родился также известный проект трубопровода

Баку–Джейхан, по которому должна была транспортироваться нефть в турецкий средиземноморский порт и далее — на европейские рынки. Основным достоинством этого необычайно дорогостоящего проекта был обход России, доселе монополиста в области транзита каспийских носителей энергии. Российское правительство с самого начала критично относилось к этим планам, совершенно обоснованно усматривая в них главным образом политический аспект. Российские выводы о нерентабельности строительства нового трубопровода отчасти подтвердились, ибо решение начать первый этап его реализации было принято лишь к началу 2003 г. До этого времени международные концерны, несмотря на сильную поддержку американского правительства, возражали против ненадежной инвестиции. Сегодня, после американо-британской интервенции в Ираке, судьба трубопровода по-прежнему является неясной, особенно в силу перехода в руки союзников контроля над предложением иракской нефти. Турецкий порт Джейхан может быть снова использован для переправки нефти из Персидского залива, осложняя реализацию каспийского проекта, значение которого для США уменьшилось по причине новых задач — стабилизации ситуации в регионе Персидского залива и восстановления Ирака.

Хотя Гусейнов закончил книгу в начале 2002 г., однако в своих прогнозах он отмечает, что будущее использование каспийских ресурсов — в силу их политического в первую очередь значения — зависит от политической обстановки в регионе и характера взаимоотношений между Соединенными Штатами и Россией. Тем не менее, в контексте дальнейших размышлений автора эксплуатация каспийских ресурсов, как представляется, будет зависеть не столько от изменений в отношениях между державами, сколько от обеспечения стабильности, которая, в свою очередь, зависит не только от улучшения взаимоотношений в регионе между государствами, но также от внутренней политики всех заинтересованных сторон. Автор явно слишком мало внимания уделяет проблеме воздействия политической ситуации в отдельных государствах на динамику изменений в их внешней политике и последующего влияния этих факторов, например, на инвестиционный климат. Среди рассуждений о «большой игре» держав теряется куда-то проблема внутренних перемен в Казахстане, Туркмении или Азербайджане. Да не оказывает ли, однако, влияния на политику других государств и деятельность

международных концернов та специфическая политическая система, которая сформировалась в Туркмении? В случае России также не получил достаточного освещения факт, что политика этого государства в отношении Закавказья и Центральной Азии и в прошлом, и сегодня сильно обусловлена внутренней обстановкой, что часто она использовалась в качестве инструмента регулирования влияния различных групп давления, начиная с военного лобби и кончая промышленно-финансовыми конгломератами.

В этой же части содержится очень подробный анализ соглашений, заключавшихся Азербайджаном при посредничестве государственного нефтеконцерна с зарубежными фирмами — западными, российскими, китайскими и иранскими. Автор представил историю деятельности зарубежных концернов в данном регионе — от первоначальной эйфории от рапортов о гигантских залежах до растущего разочарования по мере верификации преувеличенных прогнозов, а от него до отсрочки инвестиций или расторжения контрактов. Проблема богатства залежей проходит, впрочем, через всю книгу. Автор приводит результаты разных исследований — то завышенные азербайджанским правительством, то якобы заниженные в других источниках. В рассуждениях Гусейнова на этот счет преобладает оптимизм, поскольку, как он отмечает, многие залежи еще недостаточно изучены, теоретические же модели подтверждают наличие большого количества нефти и газа.

В остальных главах второй части книги автор анализирует стратегию государств данного региона, а также США, т. е. субъектов, которые больше других интересуются каспийской проблематикой. Вначале представлен в общих чертах характер энергетической политики Азербайджана на фоне интересов ближайших соседей — России, Туркмении и Ирана. Затем автор уделяет внимания американской политике, как в отношении региона в целом, так и отдельных стран. Он рассматривает влияние американских концернов на политику США, а также проблему воздействия на нее армянского меньшинства в Соединенных Штатах, очень влиятельного и негативно настроенного по отношению к Азербайджану. Дальше, по принципу аналогии, автор пытается представить политику Российской Федерации в отношении Центральной Азии и Закавказья. Отмечает многочисленные ошибки, вытекающие из патерналистского отношения России к государствам этого региона, а также стремления к реинтеграции

на основе навязанных ею принципов. Примером отсутствия видения политики в отношении бывших советских республик было поведение российского правительства во время армяно-азербайджанского конфликта по поводу Нагорного Карабаха, в котором российская сторона, вместо того чтобы взять на себя роль посредника, сначала выступила союзником Азербайджана, а затем Армении, заостряя вооруженные действия. Поднимая тему политики правительства Азербайджана, Гусейнов задумывается над тем, в какой мере она соответствовала провозглашаемому принципу равновесия между Россией и Западом, а в какой лишь создавала видимость политики равновесия. Сознание сильных политических, общественных и экономических связей с Россией, постоянная зависимость от российского транзита заставляли очередные правительства считаться с российским фактором при формировании политики. С другой стороны, боязнь возвращения политической подчиненности способствовали мероприятиям, целью которых было углубление сотрудничества с НАТО, в особенности с США, как единственной реальной гарантией азербайджанской суверенности. Сегодня вследствие изменения политики РФ при президенте Владимире Путине в отношении т. н. ближнего зарубежья взаимоотношения между Азербайджаном и его северным соседом заметно улучшились.

После подробного рассмотрения билатеральных и мультилатеральных отношений в регионе автор переходит к более конкретным вопросам. Он начинает с продолжающегося с начала 90-х гг. спора по поводу правового статуса Каспийского моря и связанного с ним территориального разделения дна и вод. Автор вкратце освещает правовое положение данной акватории до распада СССР, когда действовали двусторонние соглашения между СССР и Ираном. Гусейнов утверждает, что де-факто произошло разделение ее на секторы. Необычайно сложный и все еще не решенный вопрос правового статуса Каспийского моря, принципов его разделения и эксплуатации природного богатства составляет преграду для разрешения многих региональных проблем (в частности, территориальных споров между Азербайджаном, Туркменией, Ираном и Россией, Казахстаном и Россией, охраны биомассы, прокладки трубопроводов под Каспием). Гусейнов поочередно представляет позиции заинтересованных сторон. Россияне с самого начала выступали против деления на секторы, призывая к заключению многостороннего соглашения, утверждающего

особый статус Каспийского моря как закрытого водоема, не общающегося с Мировым океаном, а значит, не подчиняющегося принципам международного морского права, в особенности положениям, касающимся территориального моря, обособленной экономической зоны и континентального шельфа. Следовательно, ресурсы должны были бы находиться под общим контролем. Подобную позицию занимал Иран, ибо она гарантировала сохранение положения, которое существовало до распада СССР, и давала больше возможностей воздействовать на ситуацию в регионе. Другой позиции придерживались Азербайджан и Казахстан, отстаивая разделение Каспийского моря на пять секторов, минеральные и биологические ресурсы которых находились бы под полным контролем данного государства. Туркмения официально воздерживалась от явной поддержки той или другой позиции. Тем не менее существующий с середины 90-х гг. спор с Азербайджаном по разделению дна и залежей нефти означал де-факто борьбу за определение собственного сектора и свидетельствовал тем самым о поддержке второго подхода.

Гусейнов отмечает, что со временем стороны стали более гибкими в споре. Россия, как представляется, примирилась с необходимостью разделения Каспийского моря. Об этом может свидетельствовать общее заявление правительств России и Казахстана о необходимости разделения дна, при одновременном сохранении общего использования вод (рыболовецкий промысел, охрана от загрязнений, свободное судоходство). Несмотря на некоторое сближение позиций, окончательное определение принципов разделения акватории все еще не произошло. Оптимистические прогнозы автора, который надеялся на достижение согласия на конференции государств региона Каспийского моря в апреле 2002 г., не оправдались. Как он полагает, можно ожидать, что заинтересованные стороны начнут постепенно отказываться от многосторонних переговоров в пользу двусторонних или даже односторонних мероприятий, что в будущем может привести к росту политической напряженности в этом регионе. За последние два года возникла сеть двусторонних соглашений о разделении моря на секторы (российско-казахское, российско-азербайджанское, туркмено-иранское), что все больше ограничивает возможности достижения многостороннего компромисса. Гусейнов, однако, упускает из виду факт, что неясный правовой статус акватории служит интересам российского государства, кото-

рое противодействует ослаблению политических и экономических связей со странами этого региона. Правительство РФ, с одной стороны, призывает к заключению многостороннего соглашения, с другой же — усиливает давление на другие правительства, чтобы реализовать собственные цели путем двусторонних договоров. Нестабильная ситуация приводит к тому, что часть инвесторов разрывает контракты, боясь оказаться вовлеченными в международные споры. В такой обстановке выигрывают российские предприятия, которые благодаря многочисленным личным и экономическим связям лучше ориентируются в правилах ведения дел в этом регионе. Последние успехи России, связанные с заключением нескольких крупных контрактов по транзиту и поставке нефти и природного газа из Казахстана, Туркмении и Узбекистана, фактически обеспечили ей контроль над транспортировкой этого сырья на ближайшие годы, что безусловно окажет влияние на ситуацию во всем регионе.

В последней части, озаглавленной «Геополитика каспийских трубопроводов», Гусейнов освещает политические, экономические и военные аспекты соперничества в деле обретения или сохранения контроля над транзитом каспийской нефти и газа. Вопрос транспортировки сырья с самого начала занимал центральное место в политике государств этого региона. Цели сторон были очевидны. Россия не хотела утратить транзитную монополию, Азербайджан, Казахстан и Туркмения стремились к некоему освобождению от российской инфраструктуры, Иран — к построению новых путей транзита через свою территорию, а Соединенные Штаты содействовали усилиям бывших советских республик по диверсификации направлений экспорта при ограничении российского и иранского влияния. Автор описывает многие варианты новых транзитных путей, которые должны были возникнуть в последние годы. Однако только что началась первая фаза реализации важнейшего проекта, целью которого было уменьшение зависимости каспийских государств от транзита через Россию, т. е. трубопровод Баку-Джейхан. Следующие мотивы, затрагиваемые Гусейновым, касаются причин, которые помешали реализации этого и других проектов. Автор указывает на преобладание политических факторов над экономическими, что привело к тому, что, несмотря на помощь правительств, прокладка некоторых путей транзита не получила поддержки со стороны концер-

нов, так как она не гарантировала возмещения капитальных затрат. Кроме того, для государств этого региона было характерно отсутствие координации действий относительно приобретения надежных рынков сбыта. Еще одно препятствие состояло и состоит в не до конца проверенных данных по реальным объемам ресурсов нефти и газа; большинство данных имеет приблизительный характер. Дополнительные трудности вызывает постоянная нестабильность в регионе (это, в частности, чеченский конфликт, рост радикальных настроений среди исламского населения или напряженность в турецко-курдских отношениях). Все перечисленные факторы приводят к тому, что будущее эффективное использование ресурсов Каспийского моря для развития и укрепления суверенности новых государств находится под вопросом. Правда, автор заканчивает книгу оптимистическими прогнозами, однако представленный в ней анализ позволяет сделать другие выводы. Представляется, что правительства, например, Азербайджана и Туркмении, недооценили необходимости дифференциации инструментов внешней политики. Необоснованное убеждение в несметном богатстве собственных ресурсов, утешение себя мифами о возникновении второго Персидского залива повлекли за собой пренебрежение структурными реформами и ослабление экономики. Всё чаще возникающие сегодня сомнения относительно достоверности данных, касающихся изобильности месторождений, не только бьет по важнейшему столпу экономики этих государств, но и дискредитирует их прежнюю внешнюю политику.

Книга «Каспийская нефть. Экономика и геополитика» заслуживает внимания, так как до настоящего времени имеется немного публикаций, освещающих проблематику отношений в бассейне Каспийского моря. Содержащееся в заглавии книги сужение тематики лишь кажущееся, ибо вопрос нефти представляет собой осевую мотив, вокруг которого автор ведет многоаспектные рассуждения о политической и экономической ситуации в этом регионе. Понять сложные правила новой «большой игры» помогает ясная конструкция книги и очень деловой стиль автора, который пытается по мере возможности сохранить нейтральное отношение к позициям всех заинтересованных сторон.

Эрнест Выцшикевич

Joseph E. Stiglitz, *Globalization and its Discontents*, W. W. Norton & Company, New York, 2002, p. 282.

Девяностые годы XX века — очень интересный период в истории мировой экономики: государства бывшего социалистического лагеря начали осуществлять процесс структурной трансформации, некоторые страны Третьего мира предприняли попытки реализации программ, направленных на оздоровление экономики, в наиболее развитых странах наступило динамичное развитие секторов телекоммуникации и информатики, ставших главным стимулом высокого экономического роста всего мирового хозяйства. Одновременно — вследствие высокой динамики перемещения капитала, товаров и услуг в глобальном масштабе — все заметнее давало о себе знать явление взаимозависимости международных рынков, возникли финансовые кризисы, рождающие серьезные последствия, а десятилетие закончилось кризисом сектора новых технологий, вследствие чего наиболее развитые государства оказались на грани регресса. Протесты, впервые появившиеся в 1999 г. на конференции министров стран-членов ВТО в Сиэтле, возбудили дискуссии на тему последствий, порождаемых глобализацией, победителей и побежденных в этом процессе, а также факторов, которые всё еще затрудняют разрешение многих наболевших проблем и не противодействуют появлению новых. *Globalization and its Discontents* является чрезвычайно интересным голосом в этой дискуссии.

Джозеф Э. Стиглиц, профессор Колумбийского университета, считается одним из самых выдающихся экономистов современности. Во время многолетней научной работы он внес необычайно ценный вклад в разъяснение многих экономических вопросов, касающихся, в частности, налогов, процентных финансовых ставок предприятий или моделей поведения потребителей. За свой вклад в развитие исследований по функционированию рынка в условиях асимметричной информации он был удостоен в 2001 г. Нобелевской премии. В девяностые годы он решил активно включиться в *economic policy-making*: сначала в качестве члена и председателя Совета экономических экспертов в администрации Билла Клинтона, а с 1997 г. — главного экономиста Всемирного банка. Будучи инсайдером в одном из важнейших институтов мировой экономики, автор предлагает читателю информацию и впечатления «из первых рук» на тему роли этих институтов в мировой экономике.

В *Globalization and its Discontents* автор сосредоточивается прежде всего на тех проблемах мировой экономики последнего десятилетия XX в., которые имели место в развивающихся странах, а также в т. н. *emerging markets*. Однако главной темой книги является деятельность международных финансовых институтов, находящихся под сильным влиянием Соединенных Штатов, и поэтому анализ происходящих в мировой экономике процессов автор проводит именно в спектре действий этих институтов. Как он полагает, за экономические неудачи в африканских странах, не до конца успешную структурную трансформацию в некоторых странах Центральной и Восточной Европы, а также за самые значительные финансовые кризисы ответственность несет в первую очередь одна организация — Международный валютный фонд (МВФ).

Всемирный банк (Международный банк реконструкции и развития) и Международный валютный фонд были образованы в июле 1944 г. на конференции в Бреттон-Вудс. Первоначальной целью МБРР было оказание помощи в восстановлении разрушенной войной Европы. Задание, стоящее перед МВФ, было более сложным - сохранение стабильности на международных финансовых рынках и предотвращение возможных кризисов, таких, как экономический кризис тридцатых годов. Основанием для учреждения МВФ послужило предположение, что рынок не всегда функционирует хорошо, что впоследствии может обернуться ростом безработицы и недостатком финансовых средств, необходимых для экономического оживления. В таких случаях задание МВФ должно было состоять в поощрении глобального реального спроса и сохранении финансовой ликвидности государства, переживающего экономические трудности. Нынешняя политика МВФ, по мнению Стиглица, представляет собой нечто совершенно противоположное миссии, которой руководствовались основатели этой организации, один же из самых крупных среди них, Джон М. Кейнс, «в гробу бы перевернулся, если бы узнал, что сделали с его детищем» (С. 13). Автор утверждает, что МВФ, «основанный на базе предположения, что рынок иногда функционирует плохо, сегодня с идеологическим энтузиазмом защищает его же приоритет. Основанный на базе предположения, что существует потребность в международном давлении на ведение государством более экспансивной экономической политики — посредством роста расходов, редукации налогов, снижения процентных ставок, МВФ выделяет сегодня финан-

совую помощь только тем государствам, которые реализуют политику уменьшения бюджетного дефицита, повышения налоговой нагрузки и процентных ставок, что в результате приводит к понижению ВВП» (С. 12-13). По мнению Стиглица, не подлежит сомнению, что МВФ за 50 лет своего существования так и не осуществил свою миссию.

Одну из главных причин ошибок, совершенных МВФ в развивающихся странах, которые проходят структурную трансформацию, а также в кризисных ситуациях, автор усматривает в «рыночном фундаментализме», т. е. в убеждении, что рынок работает безотказно, а спрос всегда успевает за предложением, если только нет помех, связанных с вмешательством государства или профсоюзных организаций в рыночные процессы. Он утверждает, что все начинания МВФ были «одного размера» (*one-size-fits-all*). Они не сопровождались углубленным изучением случая данной страны, недоставало также открытой дискуссии о выборе лучшей программы содействия, критерии же выделения помощи опирались на критикуемый Стиглицем вашингтонский консенсус. Согласно автору, вашингтонский консенсус, который возник в восьмидесятые годы, был хорошим рецептом для борющихся с большой задолженностью и инфляцией стран Латинской Америки, однако его принципы не соответствовали совершенно другим проблемам развивающихся стран, а также *emerging markets*.

МВФ, как «последний спасательный круг» (*lender of last resort*), оказывает финансовую помощь в форме кредита тем государствам, которые не в состоянии уплатить задолженности или находятся на грани валютного кризиса. Условием выделения помощи является реализация рекомендуемой МВФ экономической программы, в особенности осуществления таких ее элементов, как сокращение бюджетных расходов, повышение процентных ставок, либерализация торговли, либерализация рынка капиталов и приватизация. По мнению Стиглица, есть много примеров, которые свидетельствуют о том, что диктуемые МВФ условия и критерии привели скорее к углублению экономических трудностей (иногда даже породили новые) и замедленному выходу из кризиса при одновременно высоких общественных затратах. Глубокий анализ названных элементов программы МВФ автор иллюстрирует многими примерами, которые убеждают читателя в правоте представляемых им взглядов.

Восстановление бюджетного баланса путем редукции расходов и повышения налогов является одним из наиболее часто требуемых МВФ условий по отношению к странам, переживающим кризис. Однако, согласно Стиглицу, восстановление бюджетного баланса в годы регресса может лишь ухудшить экономическую ситуацию страны и умножить общественные затраты в кризисный период. В качестве примера негативных последствий такой политики автор называет Индонезию, где в рамках соглашения правительства и МВФ были сокращены расходы бюджета посредством отмены продовольственных субсидий для беднейшей части населения. Таким образом, по мнению автора, МВФ не впервые «инспирировал» уличные волнения, в которых погибло много людей (С. 77).

Высокие процентные ставки — также часто рекомендуемые МВФ — должны ограничить рост цен и помочь стабилизировать курс валюты (посредством вкладов в ценные бумаги, деноминация которых в локальной валюте сделает их более привлекательными). И этот элемент политики преодоления кризиса встречает резкую критику Стиглица. Высокие процентные ставки, по мнению автора, повышают расходы, связанные с уплатой получаемых предприятиями кредитов, ограничивают доступ к кредитам на текущую экономическую деятельность, что в результате приводит к многочисленным банкротствам, росту безработицы и углублению кризиса.

Хотя либерализация торговли имеет свое широкое обоснование в теории экономики, нельзя не согласиться с аргументами автора, что нынешние принципы либерализации международной торговли свидетельствуют о лицемерии высокоразвитых государств (С. 60). С одной стороны, они принуждают к упразднению барьеров в торговле промтоварами (это, в частности, одно из условий предоставления кредита МВФ), которые сами же производят и экспортируют, с другой — облагают высокой пошлиной и субсидируют производство товаров, которые импортируются из развивающихся стран. Стиглиц отмечает, что преждевременная либерализация торговли в развивающихся странах оборачивается вытеснением с рынка отечественных предприятий, еще недостаточно подготовленных к конкуренции с транснациональными корпорациями, имеющими финансовый и технологический перевес. В этой ситуации принцип, гласящий, что свободный рынок ведет к лучшему использованию ресурсов благодаря их перемещению из менее продуктивной сферы деятельности в более

продуктивную, не работает; ресурсы перемещаются с низкой продуктивности в нулевую, что в результате приводит к обнищанию населения в развивающихся странах.

Еще больше сомнений вызывает у автора пропагандируемая МВФ либерализация рынка капиталов. По его мнению, такая либерализация может принести выгоду только тем государствам, в которых имеются сильные рыночные институты, в том числе соответствующие регуляторы финансового рынка. Автора не убеждает часто приводимый аргумент, якобы иностранные финансовые институции лучше реализуют функции аккумуляирования и распределения отечественных сбережений, так как более крупные и лучше управляемые иностранные банки могут «выжить» с рынка банки отечественные, что в результате может привести к высшим процентным ставкам на финансовом рынке и к фактической недоступности кредитов для малого и среднего бизнеса, который преобладает в экономической структуре развивающихся стран. Однако самая большая угроза либерализации связана с перемещением краткосрочного капитала. Приток краткосрочного капитала имеет характер преимущественно циклический и спекулятивный, а также не может быть предназначен на строительство новых заводов и создание новых рабочих мест. Более того, инвесторы отзывают капитал во время регресса, т. е. когда он больше всего нужен, как это имело место в 1997 г. во время азиатского кризиса.

Стиглицц выдвигает гипотезу, что либерализация перемещения капитала была „*the single most important factor leading to the crisis*” (С. 99). Хотя аргументация автора представляется довольно убедительной, несколько удивляет факт, что он не упоминает другие обстоятельства, которые привели к кризису. Быть может, более глубокие причины коренились в поведении азиатских экономических субъектов. Если бы не слишком щедрые ссуды корейских *cheabols*, финансируемые корейскими банками, которые слишком часто приобретали капитал за границей с целью предоставления кредитов в местной валюте отечественным конгломератам, риск возникновения кризиса в Южной Корее был бы значительно меньше. Правда, иностранные банки предоставляли кредиты корейским банкам, надеясь на интервенцию МВФ в случае кризисной ситуации. Упущение из виду этих элементов азиатского кризиса может наводить на подозрение, что Стиглицц упоминает только те факты, которые создают негативную картину столь критикуемого им

МВФ. Тем не менее, анализ ошибочных решений МВФ в 1997-1998 гг. и их последствий для Юго-Восточной Азии, проведенный с точки зрения представителя международной организации, который участвовал в процессе преодоления кризиса, представляется чрезвычайно ценным. В его анализе МВФ представляет собой учреждение, которое заботится в первую очередь об интересах западных инвесторов, желающих получить обратно свои капиталовложения, и которое не заботится о реальной стороне экономики (т. е. производстве, уровне занятости, росту) и не понимает функционирования финансового рынка (С. 104-130), но — как утверждает Стиглиц — «интеллектуальная целостность никогда не была фирменным знаком МВФ» (С. 107).

Следующий критикуемый в книге элемент программы МВФ — это приватизация. Поводом для проведения приватизации является убеждение, что частные предприятия с точно определенным правом собственности управляются лучше, чем предприятия государственные. Стиглиц считает, что во многих государствах, которые проводят приватизацию, нет соответствующих финансовых регуляторов рынка и не возникли еще условия для конкуренции, чтобы противодействовать негативным явлениям, которые могут появиться в результате этого процесса. Он обращает внимание, в частности, на пагубные последствия приватизации монополий, а также на факт, что, в отличие от инвестиций *greenfield*, приватизация означает, как правило, снижение занятости и рост безработицы, а самому МВФ ставит упрек в том, что государствам, борющимся с бюджетным дефицитом, он часто рекомендует продажу государственных предприятий. Для успешности приватизации и либерализации экономики основополагающее значение имеет *sequencing*, а в развивающихся странах и тех, которые проходят структурную трансформацию, где конкуренция имеет ограниченный характер и информация оставляет желать лучшего, создание хорошо функционирующей рыночной экономики не происходит изо дня в день (С. 74).

В основе ошибочной политики МВФ, по мнению Стиглица, лежит т. н. «рыночный фундаментализм», проявляющийся в едва ли не идеологическом убеждении в преимуществе принципов свободного рынка перед каким бы то ни было вмешательством правительства. Следовательно, МВФ отошел от своей первичной, кейнсианской миссии помощи государствам в обеспечении полной занятости, предписывая вместо нее

политику, которая ведет к углублению кризиса и росту безработицы. Конечно, автор прямо не говорит, что МВФ заинтересован лишь в глубоком регрессе и росте безработицы. Однако вера МВФ в свободный рынок, который разрешит все экономические проблемы, свидетельствует о том, что совершаемые им ошибки не случайны.

Намного более существенный упрек МВФ предъявляет Стиглиц, когда он пытается ответить, в чьих интересах действует это учреждение. По мнению автора, проводимая политика свидетельствует о том, что МВФ действует не в интересах стран, борющихся с экономическими проблемами, но в интересах западных финансовых элит и богатых государств, идеология же свободного рынка является прикрытием для реализации этих интересов. Поэтому целью либерализации рынка капиталов является в действительности открытие новых рынков для инвесторов с Уолл-стрита, а не обеспечение глобальной экономической стабильности. Стиглиц отмечает, что это неслучайно, если принять во внимание, что многие важнейшие лица в МВФ происходят из *financial community*, а многие из них, неплохо поработав в пользу частного финансового сектора, переходят из МВФ на хорошо оплачиваемые должности в банках и других финансовых учреждениях (С. 207). Представленная гипотеза подтверждается политикой МВФ относительно стран, переживающих финансовый кризис. Предоставляемые финансовые средства расходуются в первую очередь на уплату обязательств данной страны по отношению к зарубежным банкам и кредитно-финансовым учреждениям, обеспечиваемый же благодаря этим средствам кратковременный курс валют позволяет иностранным инвесторам изъять денежные средства на более выгодных условиях. Если взглянуть на МВФ как на институт, действующий в интересах кредиторов, то другие его действия окажутся вполне понятными. Открытым, однако, остается вопрос: *Is it the IMF's new Agenda?*

По ходу чтения *Globalization and its Discontents* могут появиться сомнения, сделал ли когда-нибудь МВФ что-нибудь полезное. Однако трудно ответить и на вопрос, не худшими ли были бы последствия политики МВФ, если бы в определенном случае он проводил другую политику. В некоторых случаях (например, азиатского кризиса) автор представляет альтернативные решения, однако их эффективность может сегодня послужить лишь темой теоретической дискуссии. Оценивая

неудачу программ развития в странах Третьего мира, Стиглиц редко вспоминает ошибки в экономической политике, которые правительства этих государств совершили по своей вине. Мало внимания он также уделяет крупномасштабной коррупции, являющейся внутренней болезнью многих развивающихся стран. Исключением в этом отношении является случай России, где, по мнению автора, программа приватизации, пропагандируемая МВФ, привела к распространению невероятной коррупции (С. 159). Стиглиц упускает из поля зрения и тот факт, что много развивающихся стран нередко предназначают на военные расходы намного больше средств, чем получают их в рамках иностранной помощи. Анализируя ситуацию во многих государствах, но обходя вниманием указанные выше факторы, автор, быть может, несправедливо внушает читателю, что главную ответственность за нищету и безуспешность программ содействия в мире несут Соединенные Штаты и международные финансовые институты.

Отчасти спорным является также тезис о том, что МВФ, требуя от государств реализации определенной политики как условия предоставления кредитов, нарушает экономическую суверенность этих государств. Да разве солидный кредитор не требует от заемщика выполнения условий при предоставлении ему кредита? Более того, МВФ часто критикуют за то, что он предоставляет кредиты, обеспеченные слишком малым количеством условий, вследствие чего страны, которые получают финансовую помощь, растрачивают деньги. Другое дело — это ответ на вопрос, какими должны быть условия кредитования.

Точка зрения Стиглица — подкрепленная его собственным опытом в *economic policymaking* — на тему ключевых вопросов современной мировой экономики ясна, логична и все-таки довольно убедительна. Он сторонник ступенчатого подхода к экономическим реформам, а не «шоковой терапии», приоритета интересов бедных и обеспечения полной занятости над интересами кредиторов и подавлением инфляции, борьбы с нищетой и непосредственной интервенции в пользу роста, а не лишь формирования принципов свободного рынка, которые создают условия (хотя и не всегда) для достижения этих целей. Конечно, в книге представлена не объективная картина, а односторонние заключения человека с признанным авторитетом. Голос Джозефа Стиглица в дискуссии на тему глобализации, голос необычайно критичный особенно по

отношению к Международному валютному фонду, прозвучал вызовом в адрес «другой стороны», т. е. маститых экономистов, связанных с МВФ. Можно ли надеяться на появление книги, которая была бы ответом на упреки Стиглица, и кто будет автором такой книги? Быть может, подобный вопрос зададут многие читатели, ознакомившиеся с *Globalization and its Discontents*.

Артур Градзюк

Agnieszka Kastory, *Rozbiór Rumunii w 1940 roku*. Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN. Warszawa 2002, 318 s.

История Европы рубежа 1930–1940-х годов вновь начинает привлекать внимание исследователей. Распад Советского Союза, окончание периода «холодной войны», постепенная демократизация государств Центральной, Южной и Восточной Европы обеспечили новому поколению историков гораздо более благоприятные условия для работы, чем были у их предшественников. Доступ к архивам и литературе, свобода научного высказывания, легкость проведения международных консультаций способствуют тому, что все больше классических интерпретаций событий, предшествовавших началу II мировой войны, ее хода и итогов подвергаются проблематизации и успешной верификации.

Учитывая такое положение вещей, трудно не заметить, что история балканских государств в эпоху последнего военного противостояния в мировом масштабе относится к числу тех проблем, которые в сегодняшних условиях должны в самое ближайшее время стать предметом новых исследований. Совсем недавно в Польше вышла книга краковской исследовательницы Агнешки Касторы «Раздел Румынии в 1940 г.», частично удовлетворяющая эту потребность и одновременно предоставляющая новое доказательство важности изучения истории балканских государств в период II мировой войны. Уже в начале следует, однако, заметить, что заглавие книги не отражает ее содержания. В книге речь идет скорее о внешней политике Румынии в период 1939–1940 гг., и было бы гораздо целесообразнее озаглавить ее именно так. К этому вопросу я еще вернусь ниже.

Исследовательница в течение нескольких лет демонстрировала в научной среде свой интерес к судьбе Румынии в межвоенный период и на первом этапе II мировой войны. Рассматриваемая книга подводит итог целого периода исследований¹. Можно также предположить, что она опирается на положения, выдвинутые автором в докторской диссертации², хотя, к сожалению, ни она сама, ни издатель нигде не сообщают об этом читателям.

На первый взгляд, список источников рассматриваемой монографии производит солидное впечатление. Автором были проведены довольно успешные разыскания в архиве румынского министерства иностранных дел (*Arhiva Ministerului Afacerilor Externe al României*), Public Record Office (фонды *Foreign Office* и *War Cabinet*) в Лондоне, в польских архивах: в Архиве Польского института и Музея им. Генерала Сикорского в Лондоне (фонды: Дела посольства РП в Бухаресте, Секретные телеграммы Посла) и в варшавском *Archiwum Akt Nowych* (фонд: Донесения польских представительств в Румынии), а кроме того, в архиве бельгийского министерства иностранных дел и внешней торговли (*Archive des Ministere des Affaires Etrangeres et du Commerce Exterieur*). Знание румынского языка позволило автору привлечь важные печатные источники (особую ценность представляют дневники короля Кароля II³, а также мемуары видных румынских политиков того периода: Арманда Калинеску⁴, премьера правительства, застреленного в результате покушения 21 сентября 1939 г. членами «Железной гвардии»; Михаила Маноилеску⁵, министра иностранных дел в период с 4 июля по 14 сентября 1940 г.; Георге Татареску⁶, бывшего премьером с 24 ноября 1939 г. по 28 июня 1940 г.), а также новейшие достижения румынской историографии.

---

¹ A. Kastory, *Incydent w Giurgiu. Brytyjska próba sparalizowania żeglugi na Dunaju w 1940 r.* // „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego”, *Prace Historyczne*, t. MCCXII, 1997, z. 124, s. 235 – 242; A. Kastory, „Wielka Rumunia”. *Etniczne i terytorialne zmiany po I wojnie światowej* // „Studia Historyczne”. R. XLI, 1998, z. 2 (161), s. 203 – 220; A. Kastory, *Walka dyplomatyczna o Besarabię i Bukowinę w 1940 roku* // „Prace Komisji Środkowoeuropejskiej”, t. X, 2002, s. 71– 90.

² Польская ученая степень доктора соответствует степени кандидата наук, принятой в государствах СНГ (прим. редакции).

³ Carol al II-lea, *Regele României. Însemnări zilnice*, t. I – III, București 1995–1998.

⁴ A. Călinescu, *Însemnări politice 1916 – 1939*, wyd. Al. Gh. Savu, București 1990.

⁵ M. Manoilescu, *Dictatul de la Viena. Memorii. Iulie – august 1940*, București 1991.

⁶ G. Tătărescu, *Evacuarea Besarbiei și a Bucovinei de Nord*, Craiova 1940.

Для работы, посвященной внешней политике Румынии в период 1939–1941 гг., использованные автором архивные материалы можно было бы признать достаточными, хотя, как представляется, в этом случае совершенно необходимым также было проведение исследований по крайней мере в германских и российских архивах. Ведь отношения Румынии с III Рейхом и Советским Союзом имели исключительно важное значение для судьбы этого государства в интересующий А. Касторы период. Следовало также изучить французские архивы, раз уж автор решился – и совершенно справедливо – представить британскую точку зрения на румынский вопрос; привлечение французских документов позволило бы воссоздать более полную картину позиции членов антигитлеровской коалиции.

В то же время заглавие книги однозначно указывает на то, что предметом исследования должен был стать раздел Румынии в 1940 г. В такой ситуации отказ автора от проведения разысканий в германских и российских архивах нельзя рассматривать только как определенное упущение. Должна прозвучать гораздо более суровая оценка: это очень серьезная методологическая ошибка. Это может быть приравнено к тому, как если бы о разделах Польши в XVIII в. писали, используя исключительно польские источники, не привлекая германских, российских и австрийских архивных материалов. Более того, исследовательница, к сожалению, не использовала ключевую позицию среди изданий советских дипломатических документов, озаглавленную «Документы внешней политики СССР» (далее ДВП). Речь идет прежде всего о томе под номером XXII в двух книгах, содержащем документы за 1939 г. (Москва, 1992), и томе XXIII, также в двух книгах (первая книга: Москва, 1995), охватывающих период с 1 января 1940 г. по 22 июня 1941 г. (вторая книга издана в двух частях: Москва, 1998). Правда, в списке литературы автор указывает, что ею был использован XXIII том ДВП, но это заявление вызывает обоснованные сомнения. Во-первых, на более чем 270 страницах текста автор ни разу не ссылается на документы, помещенные в этом томе ДВП (из 882 документов, опубликованных в XXIII томе, 137 непосредственно касаются Румынии, не считая чрезвычайно информативных комментариев, часто содержащих цитаты из архивных документов. В виде дополнений – в XXII томе опубликован в общей сложности 41 такой документ). Во-вторых, во вступлении ДВП не упоминаются ни разу, а из российских сборников документов названо только

издание, датированное 1990 годом под названием «Год кризиса 1938-1939. Документы и материалы», под редакцией В. Сиполса и В. Фалина, позиция, не сравнимая с XXII томом ДВП ни по своему значению, ни по подбору и важности документов. В-третьих, в библиографии автор не приводит номеров томов, книг и частей, которыми она якобы пользовалась.

Рассматривая события, изменившие судьбу Румынии в 1939-1940 гг., следовало бы также привлечь материалы более ранних томов ДВП, которые были изданы еще в СССР. Правда, к подбору и способу издания документов, содержащихся в этих томах, во многих случаях нужно относиться с большой долей осторожности, тем не менее там также нередко можно обнаружить ценную информацию. Это касается, в частности, проблем Румынии. Можно привести такой пример: известно, что после окончания I мировой войны советская Россия не могла согласиться с фактом потери Бессарабии, оказавшейся в руках Румынии, и по этой причине отношения между двумя государствами оставались неурегулированными вплоть до июня 1934 г. В октябре 1932 г. портфель министра иностранных дел Румынии получил Николае Титулеску, а поскольку он был ярым сторонником идеи коллективной безопасности, ему удалось достичь соглашения с Советским Союзом, который, после приостановки продолжавшегося с 1922 г. сотрудничества с Германией, приступил к восстановлению отношений со своими соседями. Подписание 9 июня 1934 г. соглашения с СССР, в котором обе стороны приняли на себя обязательства по взаимному уважению суверенитета и политической независимости, Н. Титулеску считал своей большой победой, способствовавшей улучшению международного положения Румынии. В то же время в XX томе ДВП (Москва, 1976) опубликован документ, из которого следует, что урегулирование отношений между Румынией и Советским Союзом стало возможным благодаря тому, что Максим Литвинов, народный комиссар иностранных дел СССР, заключил с Титулеску своего рода «джентльменское соглашение», согласно которому вопрос о Бессарабии в контактах между двумя государствами не должен был подниматься⁷. Следовало бы задуматься над тем, что было лучше для положения Румынии в 1939 г.: восстановление

---

⁷ Литвинов в Народный комиссариат иностранных дел, 25 мая 1937 г. // Документы внешней политики. – Т. XX. – Москва, 1976. – Док. 175. – С. 270.

отношений с Советским Союзом на такой тонкой основе или полный отказ от их возобновления. Однако, к сожалению, размышлений на эту тему в рассматриваемой книге мы не найдем. В результате игнорирования советских источников картина советско-румынских отношений в 1939 – 1940 гг., которая возникает после чтения книги, оказывается неполной и односторонней, к чему мы еще вернемся.

Если говорить о публикациях документов по внешней политике III Рейха, то автором было использовано англоязычное издание *Documents on German Foreign Policy*, а объем и способ их привлечения не вызывает особых замечаний. Предстает также, что румынско-германские отношения в рассматриваемой книге представлены более полно.

Вкратце следует остановиться также на использованных автором монографиях. Как уже отмечалось, одним из неоспоримых достоинств рассматриваемой работы является тот факт, что в ней довольно широко используются результаты исследований румынских историков. В то же время неблагоприятное впечатление производит игнорирование в книге А. Касторы достижений немецких исследователей. Так, с сожалением можно отметить отсутствие в книге упоминания работы Андреаса Хильгрубера под названием *Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die Deutsch-Rumänischen Beziehungen 1938–1944* (Wiesbaden, 1954), которая до сих пор является лучшим исследованием германско-румынских отношений в период II мировой войны (впрочем, А. Кастору поместила эту позицию в своем списке использованной литературы), а также его же *Hitlers Strategie und Kriegsführung 1940–1941*. (Frankfurt a. M. 1968), классической позиции для интерпретации внешней политики Германии в 1940 г. А. Кастору неизвестна также работа российского историка Михаила Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941» (Москва, 2000) – одна из важнейших современных российских монографий, касающихся внешней политики СССР на первом этапе II мировой войны. В то же время автор полагает, что книги Генрика Батовского, освещающие историю дипломатии в период 1939 – 1940 гг., «сохранили свою актуальность». С этой точкой зрения нельзя согласиться. Тем более что важнейшая, по мнению А. Касторы, позиция из библиографии г. Батовского *Rok 1940 w dyplomacji europejskiej* (Poznań 1981) – это, пожалуй, самая слабая работа этого – безусловно выдающегося – исследователя, в настоящий момент почти целиком утратившая свою значимость, главным образом по причине того, что

содержащаяся в ней интерпретация политики СССР в отношении балканских государств и III Рейха является в настоящее время полностью устаревшей и ошибочной.

Книга разделена на три большие главы: 1. Великая Румыния – характеристика государства; 2. Румыния в период нейтралитета (6 сентября 1939 г. – 28 мая 1940 г.); 3. Ликвидация Великой Румынии летом 1940 г. В каждой из глав выделены несколько разделов. Структура работы не вызывает особых возражений, кроме разве что первой части, в которой целых 23 страницы посвящены территории и населению Великой Румынии. Нарушение пропорций становится особенно заметным при сопоставлении со следующим подразделом, в котором эволюция политического устройства Румынии в межвоенный период освещается всего лишь на 12 страницах. В то же время для внешней политики государства проблемы политического устройства имеют несравнимо более важное значение, чем его этническая карта. Своеобразным оправданием может служить лишь тот факт, что для судьбы Румынии в 1940 г. этнические проблемы действительно имели определенное, хотя, безусловно, не решающее значение.

Исследуя внешнюю политику Румынии в 1939 – 1940 гг., автор сосредоточился на реконструкции фактов. Совершенно понятно, что недостаточно использованные до сих пор румынские источники провоцировали на то, чтобы воссоздать на их основе ход событий, которые в результате в 1940 г. привели к разделу Румынии. Прискорбно, однако, что краковская исследовательница поддалась этому искушению. В результате целый ряд объемных фрагментов книги читаются как хроника. Редко обнаруживаются в ней попытки более глубокого анализа, размышления над тем, насколько широким было поле для маневра у Бухареста, оценка действий румынских дипломатов и проводимой Румынией внешней политики. Должен признаться, что не отношу себя к энтузиастам подобного подхода к исторической науке.

Игнорирование А. Касторы советских документов, как происходящих из архивных фондов, так и опубликованных в сборниках, к сожалению, в рассматриваемой книге поразительно. Вот несколько примеров. Освещая международное положение Румынии в 1939 г., А. Касторы довольно подробно останавливается на развитии румынско-германских отношений, на усилиях румынской дипломатии, опасавшейся эскалации давления со стороны Германии как в экономической, так и в политической сфере, направленных на поиск поддержки в

Лондоне и Париже; отдельные части автор посвящает венгерско-румынским и болгарско-румынским отношениям, в то время как о состоянии отношений Румынии с Советским Союзом в последние месяцы мира почти не упоминается. Действительно, на С. 69-71 автор пишет о предложении подписания совместной декларации о противодействии возможной агрессии со стороны Германии, которое во второй половине марта 1939 г. было выдвинуто правительством Великобритании и доведено до сведения Франции, Советского Союза и Польши. Довольно бегло упоминается также о советском контрпредложении по созыву в Бухаресте международной конференции государств, заинтересованных в сдерживании германской агрессии. Однако это единственные и к тому же косвенные упоминания об одной из важнейших составляющих дипломатической борьбы накануне начала II мировой войны, которой являлись усилия западных государств по созданию антигитлеровского блока с участием Советского Союза. Кроме того, в марте 1939 г. дипломатические переговоры по этому вопросу находились в начальной стадии, а проблема Румынии и возможного ее перехода под советские гарантии являлась в течение нескольких последующих месяцев одним из ключевых вопросов на этих переговорах.

Не удастся найти в рассматриваемой книге и анализа последствий, которые имело для румынско-советских отношений обретение Румынией в апреле 1939 г. западных гарантий. В то же время гарантии, обещанные Польше и Румынии со стороны Франции и Великобритании, очевидным образом явились также гарантией безопасности для Советского Союза перед лицом немецкой агрессии. В результате существенно упрочились его позиции на переговорах (знаменитый тезис Адама Улама), что неизбежно должно было отразиться на отношениях СССР и Румынии. В любом случае отсутствие урегулирования в румынско-советских отношениях по проблеме Бессарабии создавало угрозу того, что бессарабская карта может быть разыграна в ходе британско-французско-советских переговоров⁸.

---

⁸ 4 апреля М. Литвинов писал Алексею Мерекалову, советскому полномочному представителю в Берлине: „Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже [западные державы. – С. Д.] к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят. Мы относимся поэтому совершенно спокойно к шуму, поднятому вокруг так называемого изменения английской политики» // ДВП. – Т. XXII, 1939. – Кн. 1. – Док. 199. – С. 252.

Позиция Румынии в вопросе германской и советской агрессии в Польше, ключевой проблеме для положения румынского государства в интересующий нас период, автор посвятил на странице 103 в общей сложности 22 строки текста (проблема провозглашения Румынией нейтралитета в германско-польской войне рассматривается на 2 страницах). В то же время целых две с половиной страницы автор отводит разделу «Участие Румынии в спасении польского золотого запаса», в котором к разысканиям Войцеха Роека не добавляет ничего существенного⁹, при том что этот эпизод для судьбы Румынии в 1940 г. не имел никакого значения. Бросается в глаза невнимание автора к возникающим в связи с разделом Польши в сентябре 1939 г. слухам об аналогичной угрозе раздела Румынии¹⁰. Следует добавить, что слухи эти не были лишены оснований. Агнешка Касторы, не обратившаяся к документам, опубликованным в ДВП, не знает о ходе беседы Сталина с Шукрю Сараджоглу, министром иностранных дел Турции, от 1 октября 1939 г. В ходе этой беседы из уст Сталина прозвучало предостережение в адрес Турции, чтобы та не пыталась препятствовать разделу Румынии: «...Мы не думаем на румын нападать, но и Бессарабию дарить не будем [...]. По-моему, Румыния вроде Польши: как та нахапала много земель, так и Румыния. Кто связывается с Румынией взаимной помощью, тот должен держать меч наготове: тут и Венгрия, и может еще кто-нибудь...»¹¹. Автор, ссылаясь на исследования румынских историков, сообщает только, что посол Турции в Лондоне Рушту Тевфик Арас сообщил Виореле В. Тилеа, послу Румынии, что подписание советско-турецкого договора о взаимопомощи не состоялось исключительно по причине того, что автоматически это означало бы согласие Турции на захват СССР Бессарабии (С. 141). Незнание советских документов привело к тому, что для описания позиции СССР автор вынужден был ссылаться на косвенные источники.

---

⁹ W. Rojek, *Odyseja skarbu Rzeczypospolitej. Losy złota Banku Polskiego 1939 – 1950*, Kraków 2000.

¹⁰ Рубин Ю. В. (полномочный представитель СССР в Королевстве Бельгии), в Народный комиссариат иностранных дел, 23 сентября 1939 г. // ДВП. – Т. XXII. – 1939. – Кн. 2. – Док. 628. – С. 125.

¹¹ Запись беседы Сталина с Сараджоглу, 16 октября 1939 г. // ДВП. – Т. XXII. – 1939. – Кн. 2. – Док. 654. – С. 149.

Германско-советские отношения автор описывает, ссылаясь исключительно на известные десятилетиями документы германской дипломатии. В настоящий момент подобную методологию следует признать абсолютно анахроничной. Сопоставление германских источников с соответствующими советскими материалами представляется совершенно необходимой процедурой. В противном случае трудно избежать неточностей и неполноты. Так, например, на С. 198-199 Агнешка Касторы передает содержание инструкции министра иностранных дел III Рейха Иоахима Риббентропа Фридриху Вернеру фон дер Шуленбургу, послу Рейха в Москве, датированной 25 июня 1940 г. и сформулированной в связи с ведущимися в СССР приготовлениями к захвату румынской Бессарабии, а также Буковины (здесь следует напомнить, что присоединение Буковины к СССР ранее не было предусмотрено германско-советскими соглашениями). Посол обязан был передать советской стороне, что правительство Германии «с полной симпатией» относится к намерениям СССР относительно Бессарабии, и одновременно выразить несогласие с планами Москвы относительно Буковины. Шуленбург должен был донести до сведения Вячеслава Молотова, народного комиссара иностранных дел, что правительство III Рейха искренне заинтересовано в мирном разрешении советско-румынского конфликта, а, по мнению Берлина, лучшим путем для его достижения мог бы стать отказ советской стороны от захвата Буковины, бывшей австрийской провинции¹². Агнешка Касторы пишет, что «на следующий день Шуленбург передал полученные инструкции Молотову». Однако, во-первых, германский посол полученные инструкции передал уже 25 июня в 21.00, а не «на следующий день», как утверждает автор рецензируемой книги, о чем, впрочем, известно из немецких документов¹³. Во-вторых, из записи беседы от 25 июня, произведенной советской стороной, следует, что немецкий посол не исполнил всех переданных ему Риббентропом указаний, а именно: не употребил аргумента, указывающего на то, что Буковина являлась «бывшей провинцией австрийской короны». В своей же телеграмме в *Auswärtiges Amt* он сообщил, что

¹² Риббентроп Шуленбургу, 25 июня 1940 г. // *Akten zur deutschen auswärtigen Politik* (далее: ADAP), Serie D, Bd. X, dok. 13.

¹³ Шуленбург Риббентропу, 26 июня 1940 г., время отправки депеши 00.59 // ADAP, Serie D, Bd. X, dok. 20.

обратил внимание Молотова на то, что Буковина «никогда не принадлежала даже царской России». Это, однако, далеко не то же самое¹⁴. Вопрос этот имел особую важность, поскольку у Гитлера (австрийца), в этот момент триумфующего – празднующего победу над Францией и возвращение утраченных в результате I мировой войны немецких земель, потеря провинции, некогда принадлежавшей Габсбургам, могла вызвать раздражение. Следует также добавить, что Густав Хильгер, бывший в то время советником посольства Германии в Москве, в своих мемуарах сообщает, что в ходе беседы с Шуленбургом 25 июня Молотов отметил, что Советский Союз, с пониманием относящийся к позиции III Рейха, ограничивается в своих планах только северной частью Буковины, но не отказывается в будущем от присоединения всей Буковины и рассчитывает, что эти его намерения найдут поддержку в Берлине¹⁵. Эта, чрезвычайно важная, тема разговора не нашла отражения в донесении Шуленбурга от 26 июня¹⁶. Вероятно, именно поэтому проблема советских планов относительно Южной Буковины почти целиком ускользнула от внимания А. Касторы (она упоминает о ней лишь единожды, и то походя, на С. 254). В то же время, из опубликованных в ДВП документов с сентября 1940 г. следует, что в ходе беседы 26 июня Молотов фактически предупредил о том, что Советский Союз будет стремиться занять также эту часть провинции, которую пока, под давлением Германии, оставил Румынии¹⁷. Существует много свидетельств того, что в

---

¹⁴ Шуленбург в МИД, 26 июня 1940 г. // ADAP, Serie D, Bd. X, dok. 20; Запись беседы Молотова с Шуленбургом, 25 июня 1940 г. // ДВП. - Док. 225. - С. 374-376.

¹⁵ G. Hilger, *Wir und der Kreml. Deutsch - sowjetische Beziehungen 1918-1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten*. Berlin, 1956. - s. 298 - 299.

¹⁶ Шуленбург в *Auswärtiges Amt*, 26 июня 1940 г. // ADAP, Serie D, Bd. X, dok. 25.

¹⁷ К проблеме Южной Буковины Молотов пытался вернуться в ходе беседы с Шуленбургом 9 сентября, уже после II венского арбитража (29-30 сентября 1940 г.). Тогда он напомнил германскому дипломату, что Советский Союз лишь отложил свои планы в отношении Южной Буковины на время, считаясь с возражениями Рейха. Шуленбург парировал на это, «он не может вспомнить, что именно так шла речь» (Записи беседы Молотова с Шуленбургом, 9 сентября 1940 г. // ДВП. - Т. XXIII. - Кн. 1. - Док. 367. - С. 584). 21 сентября вопрос был окончательно решен и закрыт: Шуленбург заявил, что, возможно, непонимание советских устремлений по присоединению Южной Буковины возникло по его личной вине, поскольку он не совсем точно понял формулировку вопроса. Молотов, в свою очередь, парировал: «это было сказано им в неопределенной форме и возможно,

Москве питали надежды, что аннексию оставшейся части Буковины удастся провести, увязав ее с удовлетворением территориальных претензий к Румынии со стороны двух других ее соседей: Венгрии и Болгарии. Начиная с 19 августа, Народный комиссариат иностранных дел начал поднимать в отношениях с Румынией вопрос о пограничных инцидентах (речь шла о якобы имевшем место обстреле румынскими солдатами советских пограничных патрулей). Москва направила 2 резкие дипломатические ноты, во второй из них, от 29 августа, было заявлено, что до сих пор не отмечено жертв среди советских пограничников, но если таковые появятся, то «дело может принять серьезный характер». Здесь следует подчеркнуть, что, учитывая опыт Финляндии в ноябре 1940 г., когда спровоцированный Советским Союзом артиллерийский обстрел территории СССР был использован Москвой в качестве предлога для начала «зимней войны», такое предостережение могло стать предупреждением об агрессии. Тем более, что Народный комиссариат иностранных дел, не дожидаясь ответа Бухареста на ноту от 29 августа, поместил в «Известиях» коммюнике, сообщающее о выдвинутых против Румынии обвинениях и направленных нотах¹⁸.

На С. 245 автор пишет, что «позиция СССР в период арбитража [венского] и сегодня не до конца понятна и вызывает дискуссии». В работе, однако, даже не предпринимаются попытки прояснения позиции СССР, и не только по этому вопросу, оставляет желать лучшего и способ представления советской политики в отношении Румынии в рассматриваемый период. Трудно, однако, решиться на это без знания хотя бы базовых опубликованных источников, способных пролить свет на данную проблему.

Книга Агнешки Касторы заслуживает внимания с точки зрения использованных автором архивных документов румынской дипломатии, мемуаров румынских политиков, а также достижений румынской историографии. Однако это единственные достоинства данной книги. Игнорирование советских источников приводит к тому, что рассматриваемая работа, к сожалению, уже сейчас воспринимается как устарев-

---

что Шуленбург не придал тогда должного значения сказанному» (Запись беседы Молотова с Шуленбургом, 21 сентября 1940 г. // ДВП. - Т. XXIII. - Кн. 1. - Док. 394. - С. 616).

¹⁸ Там же. - Док. 345. - С. 541-542.

шая. В интерпретационном аспекте она также по сути не дает ничего нового. Автором была упущена уникальная возможность значительно расширить состояние исторического знания о внешней политике Румынии в период 1939 – 1940 гг., факторах ее развития, успехах и поражениях. Кроме того, неудачное, не соответствующее содержанию заглавие книги может отбить желание изучать раздел Румынии в 1940 г. у других исследователей. В то же время, существует огромная потребность в солидных работах по этой проблематике, с привлечением германских, советских, венгерских, болгарских, британских, французских источников, а также вновь румынских. Остается надеяться, что столь широкое исследование будет тем не менее предпринято.

Славомир Дембски